

Юки Аме

Портовый
город

16+

Юки Аме

Портовый город

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67164593

SelfPub; 2022

Аннотация

Портовый город – место, куда стекаются самые разнообразные люди и существа. Здесь никто не удивляется йети, пикси или воздушным пиратам.

И раз уж Вы зашли в мое небольшое кафе, присаживайтесь, я расскажу вам несколько историй о нашем городе.

Что? Это – Хосс. Да, он привидение, но Вас ведь это не пугает? Хорошо, итак...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	20
Глава 4	30
Глава 5	39
Глава 6	49
Эпилог	62

Юки Аме

Портовый город

Глава 1

– Йованка, ну признай, что ты меня просто нарисовала! – рыдало привидение истеричным голосом, превратившись в облачко.

Обычно он принимал форму невысокого пожилого господина с гордым лицом и орлиным носом, одетого во фрак или просто в жилет, рубашку с жабо и брюки, из кармана которых выглядывала цепочка от круглых часов-луковички. Видимо, он считал такой облик очень представительным.

Я устало вздохнула:

– Хосс, сколько можно тебе повторять, что я не рисую красками.

А про себя подумала: пусть это и не совсем правда, но ты об этом никогда не узнаешь!

– И вообще, – продолжила я. – Ты опять зависал над кастрюлей с грогом? Пьяница!

– Ик! Я тебе не верю-ю-ю... – не унимался дурной призрак.

На моих руках начали собираться недовольные темные ту-

чи.

– Йованка! Сидра нам! – раздался громкий мужской голос от столика, где сидели пираты.

– Да, и пунша! – поддакнул второй бас.

Я зыркнула в их сторону:

– А не многовато, ли вам, ребята? На сегодня ваши порции закончены!

– Но... – попытался отстоять свой заказ Кольт, однако, его сразу остановили его же товарищи.

– Стой, смотри, уже грозовые появились.

И правда, на моих руках, точнее на коже, всю собиралась гроза и сверкали первые молнии. Вот как вы думаете, легко жить, когда ваши мысли рисуется на вашем теле, м-м-м?

– Тогда нам еще сливового пирога, – смиренно произнес первый голос. – Пожалуйста.

Я хмыкнула:

– Хорошо, сейчас.

На самом деле, они были хорошие, простые моряки, а пиратами называли себя, потому что им нравилось, как это гордо звучит. Они еще ни разу никого не ограбили и не напали, но очень любили порассуждать на тему разбоя: как бы лихо они взяли кого-нибудь на абордаж, если бы, конечно, представилась такая возможность.

Ко мне они приходили, впрочем, как и остальные посетители, чтобы отведать пирогов и выпить по одной положен-

ной кружке грога, пунша или глинтвейна. Хмельные разборки мне были совсем не нужны, в моем тихом кафе.

Эти «грозные» пираты на самом деле плавали на воздушном корабле и занимались сбором облаков. Это было сейчас довольно прибыльное занятие, ведь холодильные шары были всем необходимы. Продукты имеют свойство портиться и от этого никуда не денешься.

Но что отличало их команду и было большим плюсом, это свойство рук Берима, достаточно крупного неразговорчивого мужчины с добрыми глазами. Он мог трогать абсолютно ледяные вещи, в том числе облака, т.е. ему были не нужны огромные неудобные рукавицы, замедлявшие работу. Он голыми руками отрывал куски облаков, сжимал их до размеров небольших мячиков и складывал в корзины. Затем эти шары продавались в городе для заполнения холодильных шкафов. Одного шарика хватало на пару месяцев.

Мне нравилось, когда ребята приходили. Всегда можно было ожидать от них новую историю, ведь они заплывали довольно далеко по небу и видели другие материки и города, а также их необыкновенных жителей.

К прилавку прихрамывая на одну ногу и опираясь на трость, подошел Дядюшка. Старый енот просил называть его именно так. Его усы уже были совсем седые. Он так и не признался мне, сколько ему лет. Роста в нем где-то 1,20м. Круглый животик прикрывал вышитый жилет из темно-вишнего

бархата, который дополняли коричневые холщевые штаны. Он так и не смог с ними расстаться с тех времен, как работал водителем трамвайчика. Обувь еноты не носили. Когти, сами понимаете.

– Ну, что, наш красавец снова захмелел? – с иронией спросил Дядюшка, поглядывая на рыдающее и икающее облачко. – Помощничек!

– Да, – я снова вздохнула, но тучи уже убежали с моих рук, заменившись привычными желтыми розами. – Он опять надышался громом. Знает ведь, чем это может закончиться!

Енот засмеялся глухим голосом:

– Ладно, Йованка, не сердись. Давай мне пирог, я отнесу.

– Нет, что вы, я сама, – забеспокоилась я.

– Не тушуйся, давай! – только улыбнулся дядюшка в ответ.

Я подала через прилавок ароматное блюдо:

– Вы меня всегда так выручаете.

– Будет, будет тебе! – снова по-доброму засмеялся енот и отправился с пирогом к столику моряков.

Я не знаю, чем я заслужила такого друга и его доброту. Два года назад он был первым посетителем в моем кафе. Я тогда только в очередной раз переехала и была словно серая моль. Дядюшка сразу облюбовал себе один дальний столик у стены и стал приходить каждый день вместе с газетой или книгой. Пока он сидел так, в маленьких очках на носу при-

цепленных к цепочке, разбирая слова уже подслеповатыми глазами, мне казалось, что все будет хорошо. Даже у меня, все может быть хорошо.

И как сильно врезался в память тот момент, когда Тимо снова пытался меня «по правильному» рассмешить, а Дядюшка потом подошел и очень тепло сказал странные слова:

– Я так рад, что ты начала улыбаться!

И похлопал меня своей мозолистой ладошкой по руке.

Что он имел в виду? Может, этот город действительно мне подходит и помогает... ведь я пока не сбежала.

Ладно, раз у меня есть свободная минутка, познакомимся?

Так, ну, во-первых, меня называют Цветной девушкой. Моя особенность в том, что на мне появляются рисунки, иногда сами, иногда как реакция на мои мысли и чувства, но те самые желтые розы, что вы уже видели, были придуманы мною когда-то специально, еще в детстве, чтобы защититься. Ведь не всегда хочется, чтобы окружающие были в курсе того, что ты о них думаешь, особенно, когда есть то, о чем никто не должен знать.

Все эти рисунки были похожи немного на татуировки, но при этом они еще и двигались и редко, когда я могла их полностью контролировать. Думаете, это весело? А как бы вы отреагировали, если бы на вашей руке появился мохнатый тарантул, как живой, и начал двигаться вверх к плечу?

Мы с Хоссом просто закричали в голос. Я откинула руку в сторону, а Хосс схватился за мухобойку (да, он мог брать вещи).

– Ай, прекрати! – закричала я на призрака

– Ага, щас! – взвизгнул Хосс, снова замахиваясь. – Хочешь оставить «это» здесь?

– Ай! Да хватит уже! – я отбежала, пытаюсь увернуться от шлепков. – Так не поможешь!

– Мне все равно-о-о! – воинственно закричало привидение, предпринимая очередную атаку.

Я схватила веник и, выставив его вперед, сказала, что буду вынуждена защищаться. Хосс терпеть не мог, если до его белесого тела дотрагивался этот грязный предмет. Я сделала выпад, призрак его парировал. Потом еще один.

Да, битва веника и мухобойки. Мои будни.

Но тогда мне стало так смешно, что на месте паука появились яркие воздушные шарики и полетели по коже к спине. Я вдруг представила нас со стороны и захохотала. Что за чудики!

Еще я Цветная, потому что у меня в волосах есть несколько ярких прядей, с детства. Малиновая, цвета морской волны и сзади сиреневая. Вообще то, волосы у меня очень проблемные: густые и жесткие, как солома, да и цвета примерно такого же. Поэтому, вот уже несколько лет я ношу дреды, такие запутанные косички, мне их заплетают пикси в салоне Шелькель, используя специальный цветочный воск. Получа-

ется удобно и весело: в некоторые пряди мне вплели разноцветные бусины и пару крошечных медных бубенчиков. Хожу, звеню...

Но, главная моя особенность, для меня лично, не считая той, скрытой, темной, но связанной с этой, это умение ненадолго оживлять черно-белые рисунки. Я называю их «ожившие мечты». У меня рядом с прилавком лежит небольшой сшитый блокнот и карандаш. Бывает, я для развлечения посетителей, рисую в нем снежинки, цветы или облачка и, подув на рисунок, отправляю их летать по залу. Они исчезают через пару минут. Мое маленькое волшебство.

Я думаю, для первого знакомства, достаточно.

В Портовом городе я уже второй год, приехала сюда в 25, перед этим 10 лет моталась где могла, пытаюсь убежать от... людей и других существ, которые стучали ночью в мои окна и двери со словами, что их послал Человек-Тень.

Глава 2

Хосс протрезвел и обиделся, что я не рассказала вам про него. Итак, он эмоциональное и истеричное привидение, потерявшее остатки разума 200 лет назад и в данный момент угрожающее мне сковородкой.

Уже и пошутить нельзя!

Ладно, на самом деле, он призрак развратной гейши из квартала красных фонарей...

– Положи сковородку!

– А что ты всякую ерунду говоришь! – возмущался Хосс.

– Но мы ведь, правда, не знаем, кто ты.

Сковорода печально стукнула по столу.

– Да, это так, – эхом откликнулся призрак, опуская руки.

Ну, кто меня за язык тянул!

– Хосс, не надо, – я встала и подошла к растекающемуся по полу господину. – Однажды, ты все поймешь и вспомнишь.

– Иногда, так сложно продолжать в это верить, – все таки успел расстроиться призрак.

В этом городе привидения были не редкость, но обычно, если они появлялись, то быстро решали все свои неоконченные дела и перебирались в мир иной, в общем, просто исчезали. Но Хосс ничего не помнил о своей прошлой жизни.

Почему так произошло неизвестно. Я предлагала ему зайти в какой-нибудь храм и поговорить со священником, но это чудо, уже, будучи мертвым, дико боялось исчезнуть. И скрывался, только заметив вдалеке рясу священника.

Я часто подшучивала над ним, говоря, что при жизни он был печальной старой девой с пучком на голове, которая не ела ничего кроме тортиков и держала у себя дома 10 кошек. Он конечно дулся. Но вот будет смеху, если это действительно окажется так.

Хосс появился в моем кафе, когда я только делала здесь ремонт. У меня был обеденный перерыв, я сделала себе аппетитный сэндвич с копченой рыбкой и зеленью и в первый раз подогрела на местной плите яблочный сидр, кинула в него палочку корицы и несколько звездочек бадьяна.

Как только появились первые пузырьки и вокруг начал разноситься восточный аромат, позади меня раздался заунывный голос, пытающийся казаться низким и пугающим.

– О-о-о, недостойная! – вещал он. – Оставь то, что ты варишь, на плите и в страхе убегай из этого дома!

Я недоуменно обернулась и приподняла кружку:

– Будешь? Я угощу.

Огромное белое облако быстро собралось в аккуратную тучку и ответило уже нормальным голосом:

– Да, я бы не отказался!

Пить привидения, конечно, не могли, но вот подышать паром над кастрюлькой, это, пожалуйста. От этого Хосс

стал немного желтоватым внутри, видимо сказался яблочный сок. Собственно, так он и остался у меня жить и помогать в кафе. Правда, на следующий день я действительно удивилась, обнаружив на кухне вместо вчерашней тучки горделивого господина.

Ладно, пусть развлекается.

Но тема забытых воспоминаний оставалась для него большой. И он даже не догадывался, как я ему в этом завидовала.

Итак, почему я люблю этот портовый город?

Мне нравится, что сюда стекаются самые разные существа и люди, отличавшиеся от своих близких и друзей. Да, люди со способностями рождались всегда, но это не означает, что они не выделялись в своих деревнях. А здесь их никто не осуждал и не показывал на них пальцем. По себе сужу, но я убежала еще из-за того, что «его» родители были нашими соседями и все это было слишком тяжело. А еще посетители...

Но, разговор, не обо мне.

В этом городе вы могли встретить дриад, спустившихся из огромного леса рядом, чтобы продать местным купцам лечебные мази, мыло и шампуни; гоблинов (неплохие ребята, но запах...), линьеров – это люди-птицы. Среди последних ходит легенда об одной линьере, которая оставила свой клан, чтобы остаться жить на острове с человеческим мужчиной. Но это не факт, ведь когда они принимают челове-

ческую форму, то разговаривать не могут, поэтому за достоверность истории ручаться не могу.

Что я еще люблю?

Люблю нестись на велосипеде по городу вдоль каналов и воды, так чтобы бубенчики звенели в волосах и отпускать ноги от педалей. На велосипед у меня приделана корзина для перевозки припасов. Но даже не в этом дело, а в том, чтобы надеть майку, потом любимый смешной комбинезон на длинных лямках, закатать штанины, оголив лодыжки (Хосс постоянно ругает меня за мой неженственный вид, но я ему отвечаю, что такой прекрасной деве как он, конечно лучше знать все о моде) и просто крутить педали и катиться куда-нибудь, не оглядываясь.

Но надо быть очень осторожной с пикси. Если вы на ходу или они в вас врежутся, словно увесистая крылатая бомбочка, это будет очень заметно. Поверьте, синяк у меня на ребрах месяц проходил. Хорошо еще, что обошлось без жертв.

Пикси размером примерно с мою ладонь, острые ушки, хитрые глазки, зеленоватая или голубоватая кожа, но они очень умелые. Вспомним про мои косички. Ко мне в кафе они тоже иногда залетают. Для них у меня специально припрятана небольшая деревянная игрушечная мебель. Я ставлю ее прямо на прилавок. Пикси любят есть мед ложками или макать в него кусочки бисквита, а еще белый изюм.

А мебель для них вырезал из дерева Фогги. Он... как бы вам объяснить? Что-то вроде йети. Большой, меховой,

с длинными когтями, которыми он и вырезает свои поделки, но не очень умный. Точнее, он говорит только одно слово: Фогги. Поэтому его все так и называют. Но он добрый, мы познакомились из-за того, что однажды этот пушистый шкафчик притащил мешок шишек и пытался жестами мне объяснить, что хочет, чтобы я из них сварила для него варенье. Вы, представляете наш диалог?

– Шишки? Почистить?

– Фогги!

– Сложить в банку, зачем?

– Фогги...

– Ааа, друг мой, я не понимаю, честно!

– Фогги.

В общем, мы разобрались и теперь производим обмен: он приносит шишки и сахар, а я потом выношу ему банки с розоватым вареньем. Он в ответ делает разные вещи из дерева: тарелки, огромные миски или маленькие столики и табуретки для пикси.

И делает мастерски. Хотите заказ?

Еще я люблю бывать в порту, садиться на пирс, болтать ногами и откусывать от песочного колечка, посыпанного орехами. К нам приплывают корабли и по морю, и по небу и выныривают из волн с людьми, которые умеют дышать под водой. Но вот на суше такие люди могут находиться не более одного часа. Обидно! До моего кафе слишком далеко и мне

ни разу не удалось поговорить ни с одним из них. А бы очень хотела расспросить их о нарвале. Я вам позже расскажу.

В порту всегда шумно, ярко, весело. Столько красок, запахов. Выгружают коробки с неизвестным содержимым, сходят купцы, готовые заключать сделки или слетают, или сползают. Ну, вы поняли мою мысль.

Также в нашем городе есть квартал красных фонарей. Все-таки порт, моряки, я не буду продолжать логическую цепочку. Командовала там и всем заправляла мадам Жизель. Изумительно красивая женщина и очень умная. Я поставляла для ее девочек печенье и иногда, пироги. Особенностью Жизели было то, что она могла говорить голосами ваших любимых людей. Многие ее клиенты приходили просто поговорить, закрыть глаза и слушать голос тех, кого уже не было в живых.

В нашу первую встречу, она без предупреждения, вдруг, заговорила знакомым для меня голосом, хотела сделать приятное, но произведенного эффекта она никак не ожидала и очень испугалась. Побелевшую и дрожавшую меня пришлось отпаивать валерианой. Жизель обещала больше так не поступать, но этот инцидент нас сблизил.

Еще она рассказала, что те женщины, самых разных рас, которые приходили к ней работать, делали это добровольно. Некоторые из них были вдовами, потерявшие уже в молодости своих мужей в море и пытавшиеся залечить огромную

рану в сердце. Некоторые приходили просто потому, что им нравилось общение с противоположным полом. Но в любом случае, они находили в лице друг друга настоящих друзей, общение и заботу. Все было очень неоднозначно в этом мире.

Я ранее слегка опустила вопрос о своих личных делах. Да, в моей постели и жизни появлялись иногда мужчины, некоторые из них даже пытались остаться навсегда, но в итоге, понимали, что в закрытое на несколько замков сердце не пробиться и оставляли свои попытки.

Следующее мое любимое занятие – готовить пироги на моей кухне. В стене, соединявшей зал с кухней было сделано специальное окошко, которое можно было держать открытым, для того чтобы быть в курсе происходящего или закрывать для уединения. Мне правда нравится месить на большом столе, по которому гуляют солнечные зайцы, своими руками тесто, взбивать его, делать пышным, упругим, шептать ему смешные комплименты и потом оставлять подниматься под полотенчиком. Придумывать новые странные начинки: сыр с орехами и томатами, слива с базиликом, ягоды в соленой карамели. Смазывать формы маслом, делать поверх начинки решетку из теста, вырезать листочки, птиц и цветы.

Все это позволяло мне отвлечься.

Да, я же обещала рассказать вам про нарвала.

Чем меня еще привлекло это кафе когда-то, это тем, что в нем можно было вылезать прямо на крышу, например, вечером, прихватывая с собой кружку с какао и зефирками и смотреть на океан, как он постепенно заливается малиновым и сиреневым цветом от лучей тонущего в нем солнца, и вот в этот самый миг, из воды тяжело выпрыгивал огромный нарвал с длинным рогом. Он появлялся на пару минут и только на закате. Блестящий, странный, необыкновенный.

Такое чудо и такая громадина!

Я часто выходила на крышу и в дождливую погоду. Знаю, что сидеть так высоко с открытым зонтом не безопасно, но пока молнии меня обходили. Я садилась прямо на мокрую черепицу, около трубы, словно диковинный гриб. Но видели бы вы, как это ужасающее прекрасно: ливни и грозы над океаном, когда уже непонятно где заканчиваются черные тучи и начинается такая же черная вода. Переливающаяся, грохочущая картина.

Хосс называл меня сумасшедшей, но, приняв облик белой мышки, тоже проскальзывал ко мне под зонт. Я пару раз замечала, что Тимо выходит на улицу под зонтом и смотрит на нас с противоположной стороны улицы. Не знаю, какое у него при этом было лицо.

А еще мне нравится, что в Портовом городе смешиваются самые разные национальности и религии. Да, бывают, конечно, конфликты, но для их разрешения существует служба Нюхачей, они буквально по запаху находят преступников.

Ко мне в кафе иногда заходит за кусочком мясного пирога Грег и каждый раз со смехом рассказывает, где я сегодня побывала за день. Гениальный нос!

Гуляя по улицам, вы можете увидеть храмы всех религий: и готические костелы, и округлые минареты, и маленькие каменные святилища, довольно старые, потрескавшиеся и покрытые зеленым мхом. Это из-за них я ношу в карманах леденцы, чтобы по дороге оставлять в каменных домиках по одной конфетке. Иногда в них уже лежат цветы или морская раковина. Мне нравится представлять этих маленьких божеств внутри и оставлять им подношение.

Глава 3

В Портовом городе можно было встретить очень необычных людей. Недавно я случайно познакомилась с мужчиной, под ногами которого вырастали цветы, самые настоящие и не в зависимости от того, по какой поверхности он шел. Его единственным спасением были специальные ботинки, которые изготавливали в одной портняжной мастерской.

А я просто возвращалась с рынка, медленно ехав на велосипеде, в корзине которого подрагивали бумажные пакеты с покупками. Конечно, основные запасы мне привозили по заказу на дом, такие как: мука, сахар, масло и фрукты, но мне все равно нравилось посещать местный рынок и вливаться в гудящую толпу, самой выбирать спелые абрикосы или зелень, еще покрытую каплями росы. Общаться с продавцами.

В тот день, когда я ехала вдоль канала, то заметила странного человека, который огромными и смешными шагами крался вдоль него и заглядывал в воду. А присмотревшись, я поняла, что те небольшие цветочные островки в газоне не были клумбами, тем более размер слишком маленький и шли они непонятным рядочком. Я притормозила. Вот мужчина отрывает одну ногу от травы и... на этом месте сразу вылезает кустик и зацветает синими незабудками. А под второй ногой появились белые маргаритки.

Ничего себе!

Я подъехала к нему поближе:

– Вам помочь?

Мужчина обернулся. Лицо у него было встревоженное.

– Я... – не решался он сказать. – Понимаете, я такой дурак. Решил посидеть на мосту, посмотреть на воду и как ребенок поболтал в воздухе ногами. И вот, ботинки мои уплыли, а без них...

Он не стал продолжать, а горько махнул рукой:

– Сами видите!

Я посмотрела на цветочную дорожку и улыбнулась:

– Но ведь красиво!

Мужчина вздохнул:

– А как мне до дома дойти? На камнях они тоже появятся.

– Ого! – я широко открыла глаза – Неожиданно! Ладно, не переживайте, я попробую поехать вперед, до поворота. Подождите здесь.

Слово «спасибо» прилетело ко мне уже в спину. Я быстро начала крутить педали, бросая взгляды на берега. Пакеты жалобно зашуршали. На повороте росла огромная, старая ива, опустившая длинные ветви в воду и вся надежда была на нее.

Я остановилась и присмотрелась, прикрыв ладонью глаза от яркого солнца.

Да, вон они, родные! Булькают возле берега, зацепившись за гибкие ветки. Я перелезла через ограждение и выудила

беглецов.

– Эх, вы!

Сказала я смешливо, выливая из них воду.

Увидев меня с находкой, мужчина буквально засиял. Около него уже образовалась очень симпатичная клумба и даже запорхали бабочки над цветами. Но сам он был довольно несуразный, худой с немного вытянутым лошадиным лицом и сильно стеснялся, пытаясь уменьшить, по его мнению «разрушения».

Я передала ему ботинки, предупредив, что в них можно разводить лягушек, но счастливый мужчина в ответ только улыбнулся, став милым и светлым.

– Это неважно! – воскликнул он, натягивая на ноги мокрую обувь. – Как мне вас отблагодарить?

Я, конечно, хотела сказать, что это совсем необязательно, но потом задумалась и предложила:

– Вы не могли бы пойти вместе со мной. Здесь недалеко, до моего кафе. Я вас чем-нибудь угощу. И меня зовут Йованка.

– Брю. – представился удивленный человек. – Конечно, пойдемте, если я могу чем-то помочь. Буду очень рад.

Мы отправились ко мне. Я везла велосипед рядом и уже представляла, какую красоту мы сейчас натворим.

Придя в кафе, я указала Брю на небольшой участок рядом с окнами, на котором росла довольно чахлая трава и попросила его без раздумий здесь потоптаться. Во всю широту ду-

ши!

Мужчина засмеялся и сказал, что постарается. Я оставила его одного и отправилась варить нам свежий кофе на плите. Хосс не мог пропустить такое событие и с интересом разглядывал получавшийся результат на улице.

Когда я вышла на крылечко, передо мной разлилось целое море из цветов: и колокольчики, и маки, и ромашки, даже колосья пшеницы.

Я ахнула:

– Брю, вам надо брать заказы! Это потрясающее.

Мужчина засмутился и начал неловко обуваться, но я его остановила и попросила пару минут подождать. За это время я тихонько сбегала на другую сторону улицы и, пригнувшись по-шпионски, стащила коврик, который лежал перед лавкой Тимо. И вернувшись, отдала его Брю на растерзание, точнее положив на землю, попросила походить по нему.

Мужчина послушался и скоро я уже так же, по-тихому возвращала цветущий коврик на место. Хихикая очень громко, но про себя.

Нет, у нас Тимо были хорошие отношения. Тимо – это пекарь, ему около 30 лет или меньше, я не спрашивала, веселый парень с доброй улыбкой и с кудрявыми русыми волосами. Его особенностью было то, что он мог снимать душевный груз с других людей просто шутками, общением, но я оказалась твердым орешком. Настоящим камушком.

Тимо никак не мог понять, почему у него ничего не выходит и в каждую свободную минутку прибегал ко мне в кафе, чтобы рассказать новую шутку или анекдот. Я честно смеялась, было действительно смешно, но Тимо каждый раз расстроено говорил, что все равно не получилось.

Мне его даже было немного жалко.

И в один грозовой вечер, когда с океана пришла настоящая буря, я почти раскололась. У меня было очень мутно тогда внутри и когда я спустилась с крыши, промокнувшая и продрогшая, то обнаружила на стуле перед стойкой Тимо. Я удивилась и хмуро спросила, что он здесь делает. Тот посмотрел на меня неожиданно серьезно:

– Я хочу тебе помочь. Йованка, разреши мне!

– У меня все отлично, – улыбнулась я и покрылась желтыми цветами.

Он в гневе вскочил:

– Перестань закрываться этими цветами!

А вот это уже было странно, еще никто раньше не замечал, что означали желтые розы на мне.

Я разозлилась и, сощурившись, глухо зашептала:

– Как ты собираешься помочь убийце, а, Тимо?

Мужчина шокировано открыл глаза:

– Это... неправда.

По моим губам заструилась едкая, змеиная улыбка:

– Иди домой, мальчик с добрыми глазами, и выучи свой урок, что ты не всегда можешь всех спасти.

Тимо сильно смутился, развернулся и молча ушел.

Я холодно подумала, что грубой фразой, наверно, отвредила его навсегда. Но на следующий день, ближе к вечеру, он прибежал с новыми анекдотами.

Настойчивый.

Но Человек-Тень сильнее.

О, простите, я же хотела рассказать о городе, а не наводить тоску. Итак, еще одна забавная личность – девятихвостый лис. Красивый, изящный, с узкой мордочкой и с красной отметкой на лбу, белоснежный и очень пушистый. Его хвосты торчат во все стороны, как у павлина. Но вы не представляете, какой он манерный и немного занудный.

Ко мне лис приходил за чашечкой латте с ореховым сиропом. Садился на высокий барный стул, закидывал одну заднюю лапку на другую, подпирал подбородок и задумчиво помешивал ложечкой молочную пенку:

– Ох, Йованка... как тяжело жить.

– Что случилось? – спрашивала я, пряча улыбку.

– Тяжко мне сегодня, – отвечал белый лис.

Звякала ложечка по тонкой чашке.

– ... и настроение нет. Наверно, это депрессия. Может мне к врачу сходить?

– Ну, не думаю, что все так далеко зашло, – все же улыбалась я и, нарисовав в блокноте небольшую корону, подув на рисунок, отправляла ее на макушку лиса.

Тот смотрел на свое отражение в блестящем подносе:
– Ммм... может ты и права. Пожалуй, сегодня не пойду.
Вот ведь смешной!

Иногда я вместо оплаты просила у лиса разрешения погладить его пушистые хвосты.

Как же приятно...

А теперь, романтическая история номер раз.

Представьте себе, жила в Портовом городе юная девушка, лет семнадцати и, скажем, звали ее Анна. Помогала родителям в лавке, они торговали овощами. Милая, хорошая, отзывчивая девушка, с еще свободным сердцем. И затем, как в классической истории любви, она сталкивается на рынке с таким же милым молодым человеком. Из ее упавшей сумки выкатываются яблоки, и они вместе их собирают, сталкиваются лбами и заглядывают друг другу в глаза.

И в этот момент их вселенные взрываются, сверкают, заполняются удивительным светом. А сердца звучат, как колокола.

Согласна, красиво.

Не замечая времени, они гуляют вдвоем до самого вечера и, договорившись о следующем свидании, гуляют и завтра, и послезавтра. Генри, назовем его так, всегда носит в одной руке или накидывает на плечо светлое тканевое пальто и даже так много рассказывая о себе, ни разу не говорит о том, где точно находится его дом. Анна не придавала этому зна-

чения, она уже знала, что у него есть родители и братья и живут они рядом с водой. Девушка решила, что его семья – простые рыбаки и Генри стесняется ей в этом почему-то признаться.

Не в силах молчать, они признаются друг другу в своих чувствах, и их радости нет предела. Но потом, сказав, что ему надо поговорить с родными, молодой человек исчезает. Проходит мучительная неделя и однажды, ночью, он стучит в ее окно. Анна и сердится и рада его видеть, но Генри со страданием на лице говорит, что они не смогут быть вместе, им не позволят. И открывает свою тайну.

Он не был обычным человеком, он вообще, не был человеком, а только принимал эту форму, чтобы быть рядом с нею.

Шелки, тюлени, иногда выходявшие из воды и носившие с собой свои шкуры, чтобы потом снова превратиться в зверя и нырнуть в океан.

Анна не верила, не хотела верить, но затем сказала, что ей все равно, пусть он будет кем угодно, только приходит к ней. Генри закричал, что он очень любит ее, и убежал к берегу, чтобы опять исчезнуть.

Тянулся и тянулся долгий месяц. Без Генри жизнь Анны исчезла, растворилась, перестала быть важной. И одной бурной ночью, она вышла из дома в одной ночной сорочке и босиком пошла к океану.

На берег кидались огромные волны.

– Верните! Верните мне его! – закричала девушка в океан.

Шумел ветер, рвал тонкую ткань, смахивал слезы с нежных холодных щек.

– Верните! – снова закричала Анна, сжимая кулаки.

Над волнами показались несколько тюленьих морд. Черные немигающие глаза посмотрели на девушку и исчезли в воде.

– Тогда, я пойду к нему, – сказала измученная девушка и шагнула в ледяную пучину.

Шаг, шаг, еще один. Холодно.

Не чувствует ног.

Волны сбивают, морозят разрывающееся сердце.

Надвигается большая волна и накрывает собой тонкую фигурку. И все. Словно никого и не было. Только черный океан, ветер и грохот.

Ладно, не расстраивайтесь раньше времени.

Когда Анна открыла глаза, лежа на берегу, на нее сквозь слезы смотрел Генри, пытался ее согреть и все повторял:

– Анна, Анна! Нет, пожалуйста, очнись!

За его спиной стояло несколько пожилых мужчин с суровыми лицами. Один из них сказал:

– Шелки не приемлют союзов с людьми, но... брать на себя ответственность за твою смерть мы не можем. Вам будет очень непросто.

И накинув на плечи свои накидки, они нырнули в океан.

Генри остался на берегу с девушкой.

Я лично с ними не знакома, но знаю, что у самого берега, в домике, живет красивая молодая семья и растит уже двоих ребятишек, которые без ума от воды.

Глава 4

– Да ладно! – только я смогла воскликнуть я, когда утром зайдя в ванную, увидела свое отражение в зеркале.

Иногда рисунки на моем теле играли со мной злую шутку. А самое смешное во всем этом, что я не знаю, как долго они на мне задержатся.

Правда, один раз получилось действительно удивительно и красиво. Тогда у меня на всей спине проявился большой, изумительный пейзаж. В первый день это была весна: деревья покрыты пушистыми бело-розовыми цветами, в траве, среди лепестков синели незабудки. Вся картина двигалась, качались ветви, кружились лепестки цветов.

На следующий день – лето играло уже зеленой листвой и бесконечно синим небом. На третий день – этот же пейзаж перешел в осенний. Сначала листья порыжели и стали красными, а к вечеру и вовсе опали. У меня шея устала себя же рассматривать. Затем наступила белоснежная зима и по спине полетели снежинки.

Четыре дня, а потом все закончилось.

Но сегодня...

Я подошла ближе к зеркалу и растянула щеки.

– И ведь придется так работать.

Сделать я ничего не могла, поэтому, спустившись со второго этажа в кафе, принялась разогревать плиту. Сегодня у меня в планах были тартинки.

Возникший рядом Хосс выпучил глаза и захохотал, теряя презентабельную форму:

– Ха-ха-ха... Йованка! Ой, лопну, честное слово! Ха-ха-ха...

Я хмуро отвернулась и сняла льняное полотенце с кадушки с тестом: оно стало нежным и пушистым и словно само было готово уже выпрыгнуть.

– Ха-ха... – продолжал хохотать Хосс за моей спиной. – Пожалуйста, скажи «мяу», а?

Я сильно махнула на него полотенцем, отгоняя подальше:

– Все, иди уже, иди! Протри столы. Скоро Дядюшка придет.

Ни капли меня не испугавшись, Хосс, тонко хихикая, собрал свое лицо на место и поплыл в зал.

И это только начало.

Я подняла блестящий поднос со стола и еще раз на себя внимательно посмотрела, поводила носом туда-сюда, скорчила рожицу и, не удержавшись, засмеялась.

Ай, так даже веселее!

Сегодня мои распрекрасные рисунки сконцентрировались на лице, превратив его в кошачью мордочку с черным носиком-сердечком, с белыми пушистыми усами, которым позавидовали бы любые Барсики и Мурзики, с черны-

ми стрелками на глазах, сделал их удлиненно кошачьими и добавив хорошей полосатости.

Когда пришел Дядюшка, я уже с улыбкой подошла к нему, ставя на столик чашку с травяным чаем. Сердце начинало подводить старого енота. Я не хотела думать об этом. Один только отголосок мысли о том, что Дядюшка однажды тоже постучит в мое окно или просто, вдруг, скажет, что его послал, ненавистный мною Тень, вводил меня в почти истеричный ужас.

Старый енот позволил себе слегка улыбнуться, увидев мой облик, но повел себя очень тактично. Чего нельзя сказать о Тимо.

Прибежав ко мне, распространяя как всегда вокруг аромат свежеиспеченного хлеба, молодой человек сперва задохнулся, замахал руками и, закричав, что сейчас вернется, пулей умчался обратно, не закрыв за собой дверь.

Что-то нехорошее у меня предчувствие.

Тимо вернулся через пять минут и со словами:

– Позвольте?

Водрузил мне на голову ободок с кошачьими ушками и залепил себе рот ладонью, заталкивая вырывающиеся смешки.

Я приподняла одну бровь:

– Я даже не буду спрашивать, откуда у тебя это и если ты попросишь меня мяукнуть, я тебя побью. Очень сильно.

Тимо отрицательно помахал рукой:

– Не-не, что ты! Этого уже достаточно!

Я только вздохнула и пошла ставить противни в духовку. Почему то мне кажется, что посетителей сегодня будет не мало.

Да, слухи разбежались быстро и скоро все столики были заняты, а остальные гости покупали пирожки с собой, на вынос, подолгу болтая со мной около прилавка.

Хоть какая то польза.

Но когда начало темнеть, все быстро засобирались, стали прощаться и расходиться по домам. Заметив мой удивленный взгляд, Дядюшка, тоже закрывая свою книгу и убирая очки, пояснил:

– Сегодня полнолуние.

– А-а-а, я все поняла. – Совсем забыла. Не слежу за днями.

– Ну, удачи тебе и будь осторожна! – енот тихонько похлопал меня по руке и, прихрамывая, отправился домой.

Дрожа, словно рябь на воде, ко мне подплыл Хосс:

– Это правда? Они скоро придут? – спросил он ужасаясь.

Я спокойно собирала грязную посуду со столов:

– Да. И я не понимаю, почему ты боишься. Разве вы не похожи?

Хосс обхватил себя за плечи, словно мог замерзнуть:

– Нет... они другие. Мне от них жутко... Ой, твоя мордочка исчезла!

Воскликнул он и, подойдя к окну, стал выглядывать на темнеющую улицу. Сегодня в городе не будут зажигать фо-

нари.

Мне лунные люди не казались жуткими. Конечно, они отличались, но разве, в этом Портовом городе хоть кто-то был обычным?

Лунные жители, люди лунных лучей, их называли по-разному. Прозрачные, чуть белесые, в развивающихся одеждах девушки и редко молодые люди появлялись только, когда полная луна отражалась в океане и из этого отражения они и выплывали по воздуху, не касаясь ногами ни земли, ни воды. Лица их всегда были печальны, а песни и высокие голоса, в которых невозможно разобрать слов, больше похожие на стоны, эхом разносились по улицам.

Как только я сюда переехала, они стали пару ночей, каждый месяц приходить в мое кафе, потому что, как оказалось, могли пить и есть то, что я рисовала для них. Те самые черно-белые рисунки, которые я облачками выдувала из бумаги. Во время их визитов, Хосс старался спрятаться за прилавком, иногда выглядывая, словно затаившаяся и испуганная мышка.

А я просто улыбалась и расставляла блюда, сажала на них нарисованные необычные пирожные и бокалы с кофейными напитками. Даже, если лунным людям что-то нравилось, они не могли сказать ничего, кроме печальных стонов.

Одна девушка, обычно, присаживалась за прилавок, напротив меня. Я пыталась с ней говорить так, как будто она мне и вправду отвечала. Иногда на ее полупрозрачном лице

проскальзывала улыбка, словно память из прежних дней.

Сегодня все прошло как обычно и через пару часов лунные люди поплыли к выходу, все кроме этой девушки и когда за дверью исчез последний обрывок легкой одежды, она быстро оглянулась и вдруг, посмотрела на меня в упор своими русалочьими глазами.

Большими, блестящими и тонко запела.

– Йованка, что она делает? – выглянул Хосс наверх. – Эй, Йованка!

Я не отвечала.

Не отрывая от меня глаз, девушка начала пятиться к выходу, делая зовущие махи рукой. Ее одежды развивались как на ветру.

Я последовала за ней.

– Да стой же! – Хосс пытался удержать меня за кофту сзади, но только скользил по полу.

Продолжая напевать, девушка выскользнула на улицу и стала вести меня к океану. В голове была абсолютная пустота, только в груди, как будто бились волны. Хосс куда-то исчез, но я ничего не замечала, лишь ее глаза.

Вскоре, мы по темным улицам спустились к причалу, откуда обычно и появлялись лунные люди.

Ближе, еще ближе.

– Йованка, стой! – послышался приглушенный голос.

Сильно хромая на одну ногу, без палки, изо всех сил ко мне бежал старый енот, которого еще поторапливал неум-

ный Хосс.

– Девочка, остановись!

«Что мне сейчас их слова...»

Сделав последний рывок, Дядюшка схватил меня за обе руки, заставляя нагнуться к нему:

– Смотри, смотри на меня, слышишь!

Не отрывая глаз от своей цели, я все еще стремилась в воду, мягкую, поглощающую.

Енот, не сдаваясь, обхватил мое лицо лапками и повернул к себе:

– Ты не одна! Мы с тобой, ну же! – отчаянно говорил он.

Наконец, я насильно посмотрела на пушистую мордочку и включилась:

– Дядюшка!? Что вы здесь делаете?

Старый енот обмяк и из его глаз покатились несколько слез:

– Вот почему я всегда боялся, когда они к тебе приходили. Они могут увести с собой только тех, у кого много печали в душе. Как хорошо, что все обошлось.

Я распрямилась и посмотрела на девушку. Ее красивое лицо исказилось гневом, грустью, отчаянием. Она развернулась и хотела шагнуть в воду.

– Постой! – закричала я, выкидывая вперед руку. – Я не сержусь! Пожалуйста...

Фигурка замерла и недоверчиво оглянулась. Я сделала

небольшой шаг и улыбнулась:

– У меня есть одна идея и я очень надеюсь, что все получится, поэтому приходи завтра сюда в это же время, хорошо?

Девушка еще какое-то время смотрела на меня, ее длинные волосы и одежды колыхались в воздухе, а потом она коротко кивнула и исчезла в темной воде, на которой плавала большая луна.

Хосс встал рядом со мной и забурчал:

– Что ты задумала, ненормальная! Еще бы чуть-чуть и сама бы стала завывать ночами!

Я оглянулась к своим дорогим Дядюшке и призраку. Могла ли я когда то представить, что у меня будет такая компания?

– Спасибо вам большое... спасибо, – только сказала я, и мы отправились обратно.

А следующей ночью, пока еще луна была сильная, я, прихватив большой альбом и несколько карандашей, снова пошла на пирс, уже без принуждения. Стоило мне подойти к воде, как из нее сразу вынырнула моя собеседница, словно ждала все это время.

– Привет! – поздоровалась я с улыбкой и села прямо на камни, открывая на коленях альбом. – Тебе придется немного подождать.

А затем, подставив белый лист под лунный свет, я начала рисовать резкими штрихами.

Только бы все получилось!

Когда рисунок был закончен, я слегка отстранилась и критически на него посмотрела. Вроде не плохо, даже мило. И подула из всех сил.

Девушка, стоя у воды, дрожала от волнения, хотя не знала, что я пытаюсь сделать.

Потом, я взяла альбом за уголки и с силой его встряхнула, приговаривая:

– Давай, беги!

На камни спрыгнуло белое, полупрозрачное, пушистое тельце и отряхнулось, вода носиком по сторонам.

– Вон, твоя хозяйка! Шагай, шагай же! – взмахнула я на него руками.

Щенок оглянулся и, виляя хвостом, загнутым в баранку, побежал к ошарашенной девушке, чтобы с громким писком запрыгнуть ей на руки.

– Больше ты не будешь одинока, – тихо сказала я.

А смешной щенок уже вовсю облизывал таким же прозрачным язычком щеки улыбающейся девушки. Я встала с камней, разминая затекшие ноги, и попрощалась с ними обоими:

– До следующей луны! Приходите в гости!

Лунная девушка прижала зверька к груди, и высоко вскинув руку, помахала мне в ответ.

Глава 5

Я хотела сегодня вам рассказать следующую романтическую историю, но Дядюшка очень просил предупредить вас о Безумном кролике, на тот случай, если вы решитесь заглянуть к нам в город, который еще славится своими старыми трамвайчиками.

О, это очень удобный транспорт и они такие обаятельные! За небольшую монетку, отданную водителю, вы сможете попасть в любой уголок Портового города. К вашему распоряжению будут: деревянные сидения, покрытые темно-вишневым лаком, окошки со свежим ветром, блестящие натертые поручни и такой запах... сложно его передать, это и старое дерево, и море, и мастика, и нагретая на солнце латунь, и пыль. Какое-то невообразимое очарование.

Наверно, именно поэтому, Дядюшка всю жизнь проработал водителем трамвайчика, носил фирменную кепи, жал в клаксон и слушал, как звенят и шушукают все металлические и деревянные части.

Вот, сначала я вас завлекла, а теперь строго предупрежу. Если вы, стоя на остановке, увидите, что из окна приближающегося трамвая торчит белое длинное ухо – не смейте садиться в этот транспорт! Я уверена, что за рулем окажется Безумные кролик. Никто не знает, имеет ли он права и ра-

ботаает ли он официально в бюро транспорта, но то, что он творит на дорогах – ужаснейший кошмар. Его дребезжащий трамвай носится на дикой скорости, всех подрезает, обгоняет и иногда, выскакивает на обочину. А сам кролик при этом хохочет, как сумасшедший. Надеюсь, вы меня поняли, а что с вами произойдет, если вы все же зайдете в тот трамвай, боюсь, никому будет неизвестно.

А теперь, романтическая история номер два.

И в ее осуществлении я принимала самое непосредственное участие. Но сначала, позвольте познакомить вас с Тильдой, она же Ледяная дева. По секрету, я ее называю Сахарная дева, это так, между нами. Правда, она не любит ни с кем знакомиться, так что пока посмотрим со стороны.

Когда Тильда впервые пришла ко мне в кафе, я была поражена и сбита с ног ее странной и непонятной красотой. Очень высокая и очень худая, с укороченными белыми, словно седыми, волосами, которые она укладывала назад, открывая высокий лоб. Абсолютно белые брови и ресницы. Непроницаемое лицо с прозрачно-голубыми глазами и холодная безэмоциональность. Тильда обычно носила мужские костюмы и блузки с кружевным жабо.

Ее боялись и говорили, что ее кожа ледяная, словно снег и что она может заморозить любого одним прикосновением.

Не знаю, мне кажется, люди любят преувеличивать и очень поспешно судят о других.

Как только Тильда переступила порог кафе, я подумала, что никакая она не Ледяная, а Сахарная и наверняка интересная. На ее короткую просьбу подать суровый черный кофе без сливок и сахара, я позволила себе не обратить внимания, а вместо этого молча принести ей на подносе высокую чашку с капучино с воздушной пенкой и корицей. Под салфеткой прятались две шоколадные конфеты, лежащие на блюде и блестящая ложечка на длинной изысканной ручке. А, вернувшись к прилавку, я нарисовала в своем блокноте несколько пушистых облачков и отправила их летать по залу.

Острые скулы моей Сахарной девы немного порозовели, но она ничего не сказала. Капучино и конфетки исчезли. Дева оставила на столе золотую монетку и удалилась. И с тех пор заходила довольно часто, но, стесняясь делать заказ, Тильда говорила:

– Мне как обычно.

И присаживалась за столик у окна.

Не знаю, насколько правдивы страшные слухи вокруг нее, я только однажды видела, как она остужала свой кофе маленькими снежинками, которые сыпались из ее ладони.

Про Берима я вам рассказывала в самом начале, так что с основными участниками вы уже знакомы. (Берим – это моряк с ледяными руками).

Ммм? Чувствуете связь? Итак...

Тильда обычно сторонилась людей, или это они ее сторонились, но пару раз она случайно попадала в час-пик в моем кафе, когда шумной толпой заваливались пираты за своими пирогами и грогом, громко хохоча и травя всякие байки о своих приключениях.

Сахарная дева допивала свой кофе, хмуря белый лоб и уходила подальше и поскорее.

Однажды, перед тем как моряки должны были отправиться в очередное воздушное плавание, ко мне днем забежал Берим за заказом для всей команды, и пока я выкладывала пироги на прилавок, он немного смущенно сказал:

– Эээ... Йованка... это... ты извинись, пожалуйста, если мы шумим, когда приходим, а то, – мужчина вдруг покраснел. – Это не всем нравится, я думаю.

Я распрямылась и с интересом посмотрела на немного несурзного моряка с крупными руками и большим сердцем.

– А перед кем извиниться?

Берим оттянул свитер от горла и даже отвел глаза в сторону:

– Так перед... той красивой девушкой, беленькой такой.

«Угу, угу» – заулыбалась я и по рукам полетели бледно розовые сердечки.

– А почему бы тебе самому Тильде об этом не сказать? – с искренней интонацией спросила я, перевязывая упаковку бечевкой.

– Тильда... – тихонько повторил имя мужчина, застыв

солдатиком. – Тильда...

Только бы не засмеяться! Какой же он милый!

– Нет, нет! – замахал руками моряк, волнуясь и чуть не сбивая все вещи с прилавка. – Она вон какая, серьезная, книги всегда читает, а я... и говорить то правильно не умею. Только мычать и стану. Нет, ни за что!

Я подперла подбородок кулачком:

– Ну и что, книги. Ты разве не читаешь?

Берим улыбнулся:

– Читаю. Люблю романы о приключениях. Но вот заговорить никогда не смогу, да и слов не найду.

Я задумалась:

– Слов, говоришь, не найдешь. А если ты возьмешь чужие слова?

Берим непонимающее посмотрел на меня:

– Как это? Я не вор!

– Нет, ты не понял, – улыбнулась я. – Лучше всего чувства передает поэзия. Найди стихотворение или пару строк, которые близки тебе и перепиши их на записку вместе с именем автора. А я передам Тильде. Ну, как тебе?

Моряк начал ходить взад-вперед, ероша волосы рукой:

– Вроде складно получается. А все же боязно.

– Просто попробуй, вот и все! – сказала я ему, передавая пакеты и имея в виду совсем не пироги.

Две недели потребовалось нашему пирату, чтобы при следующем визите, передавая мне монетки за заказ, сильно под-

мигивая правым глазом, вроде как незаметно, положить и сложенный лист бумаги. Подмигивание было столь незаметным, что Хосс даже спросил:

– Что с твоим глазом? Надуло ветром, что ли?

Берим покраснел, и еще раз толкнув для надежности записку вперед по прилавку, быстро убежал на улицу.

Я не могла удержать ироничную улыбку, но, честно, обрадовалась. И чтобы на первый раз подстраховать моряка, приоткрыла лист бумаги. Там старательно было выведено:

*«И в глазах твоих море,
И берег уснувший в тиши,
Свежесть листьев и хвои,
Надежда моей души...»
Эуженио де Андраде «Портрет»*

Молодец. Осталось дожидаться Сахарной девы.

И когда она пришла, я вместе с уже привычными конфетами, положила ей на блюдце ту самую записку.

Сидя у окна, Тильда развернула ее тонкими пальцами, прочла. Еле заметные брови сначала удивленно поднялись вверх, затем недоуменно нахмурились:

– Йованка! – позвала она и, кажется, впервые обратилась ко мне по имени. – Похоже, мне по ошибке попала чужая записка.

Я спокойно протирала стаканы для сидра.

– Нет, это для вас, – отозвалась я, просматривая бокал на свет. – От вашего поклонника.

Сахарная дева явно покраснела и резко отбросила записку на стол:

– Какой вздор!

Я промолчала, давая ей время привыкнуть к новой мысли. Тильда начала усиленно отхлебывать свой капучино, эмоционально откусывать от блестящей шоколадной конфетки. Сегодня это были трюфели.

Затем она бросила один косой взгляд на бумагу, потом другой сквозь ресницы и, протянув узкую ладонь, аккуратно, несколькими пальцами, развернула листок. Перечитала строки. Закрыла и еще раз открыла. Допила кофе и невозмутимо сказав «спасибо», элегантно ушла. Записка со стола исчезла.

С заметным волнением, но уже без подмигивания, Берим скоро оставил новое послание. Я больше не читала, веря, что его добрая и чуткая душа все сделает правильно.

Следующую записку Тильда встретила стоически и даже не сразу ее открыла, как будто ей вовсе было не интересно. Но когда она прочитала текст, ее губы дрогнули. Она пару раз выдохнула и продолжила пить кофе, обхватывая бокал обеими руками.

Мне показалось, или ее глаза заблестели?

Все последующие недели, я уже не знала, кто из них был

более милым и трогательным.

Берим с пунцовыми щеками тихонько спрашивал меня:

– Ну, как?

– Отлично, просто отлично, – уверяла я его.

А Тильде все труднее было контролировать свои эмоции, она стала приходить чаще и взволнованно ждала: будет ли? А вдруг, нет?

Но спрашивать меня об авторе, все еще стеснялась. Мне показалось, что процесс готов был затянуться, поэтому я напрямую спросила моряка, когда он пригласит ее на свидание и увидится лицом к лицу.

Бедный пират побледнел и ухватился за прилавок:

– Да как же?! Я... никогда! Куда я такой?! Что я ей скажу?

– Скажите правду, – дружелюбно предложила я. – Напишите ей письмо, от себя. Расскажите о том, что вы моряк и возможно не умеете красиво говорить или стесняетесь это делать, но готовы отдать ей себя целиком, такого, как есть. Это ведь так?

Испытующе я на него посмотрела.

Берим широко открыл глаза и негромко, словно для себя, ответил:

– Да, да, все так.

– Что ж, дерзайте, – закончила я с улыбкой.

Получив длинное письмо, Тильда не притронулась к своему напитку. Она читала и эмоции гуляли по ее белоснеж-

ному лицу: удивление, грусть, задумчивость и все же легкая улыбка. Отложив исписанные листы, она поставила подбородок на сцепленные руки, ставя локти на стол и устремила куда-то взгляд. В солнечных лучах, ее белые волосы буквально светились.

Что она решит? Что написал Берим?

Я сама заволновалась и покрылась божьими коровками. И почему именно ими?

Наконец, девушка встала и медленно подошла ко мне, держа в руке листы.

– Йованка, – посмотрела она на меня. – Все так странно.

Ее взгляд голубых глаз стал юным.

– Возможно, – согласилась я.

– Он зовет меня... встретиться, – Тильда запнулась и, покраснев, вдруг, затараторила. – Я ведь совсем не знаю, что делать! Как все происходит? А в чем мне идти?!

И вызвав снежинки, прижала холодные ладони к пылающим щекам.

Я успокаивающее и тепло посмотрела на Сахарную деву:

– Тильда, идите, как обычно. Ведь ему нужны вы, а не ваша одежда.

– А вдруг...

Я была тверда:

– Душа моя, никакого «вдруг». Хорошо?

И по моим рукам заструился рассвет нового дня.

«Хм, хм, может, мне заняться этим профессионально?»
– с улыбкой подумала я, увидев их вместе через неделю.
Немного смущенная Тильда держалась за мощный локоть
своего счастливого капитана.

Снег, холод или лед, разве это имеет значение.

Глава 6

Я долго оттягивала этот момент, но раз уж история почти про меня и о Портовом городе, мне придется затронуть тему... о том, кто такой Человек-Тень и что он сделал со мной.

Как бы начать?

С одной стороны, надо бы с самого начала, с того момента, когда все началось, но если позволите, я пока отложу очень непростой для меня рассказ.

Когда я говорила, что не рисую красками, это была отчасти правда, так как иногда мне приходилось брать в руки цветные карандаши, чтобы стать палачом. Я не нахожу жертвы, они сами находят меня, как бы далеко я не сбегала, где бы я не жила. Поверьте, десять лет я скиталась в надежде, что они не смогут догнать меня, но Тень никогда не позволял мне остаться одной.

Один раз я его почти увидела. Это случилось в маленьком городке, уже стемнело и ко мне в очередной раз прямо на улице обратились с фразой о том, что их послал Человек-Тень. Это было немного странно, поскольку, обычно, они находили меня дома. Поэтому я быстро спросила их, где тот, кто рассказал обо мне. Дряхлый пикси махнул рукой в сторону узкой улицы и там, около стены, действительно виднелся темный силуэт.

Я побежала.

Он это заметил и рванул вниз по улочке, перепрыгивая на ходу через мусорные баки. Впервые я увидела его, пусть в плаще и только со спины, но я не могла упускать шанс и бежала со всех сил. Он был быстрее. Темно, вещи под ногами, испуганные кошки, брызги от луж.

Задыхаясь и морщась от боли в боку, я громко закричала: – Пстой! Я только хочу спросить! – и не в силах дальше бежать, ухватила рукой за влажную каменную стену. – Спросить... за что... за что?

Фигура в темном плаще исчезла. Он существует. Я видела его.

А потом я вернулась к пикси, который с надеждой в глазах ждал меня.

Понимаете, самое страшное то, что они все благодарили меня.

Говорили спасибо. Мне. Их убийце.

Моя темная сторона, о которой я хотела бы никогда не знать: когда я рисовала цветной портрет человека или другого существа, он умирал, точнее, просто исчезал, как и мой рисунок.

Я много лет не отрывала взгляда от листа в ту последнюю минуту, когда под воздействием моего дыхания, рисунок, вдруг, начинал таять и я прекрасно знала, что с тем существом, портрет которого я рисовала, сейчас происходит

тоже самое. В эту самую секунду они еле слышно шептали «спасибо».

За что?!

Я научилась не плакать. Научилась почти не смотреть им в глаза. Только когда все заканчивалось, убирала опустевший лист в специальную папку, которая уже распухла от бумаги, включая тот первый, пожелтевший и смятый лист, лежащий на самом дне. Пусть его не было видно, но я знала, что он там. Он всегда был со мной, в остатках моего сердца.

Всех этих людей и существ наводил на меня Человек-Тень, это они его так называли. Для каждого он мог выглядеть по-своему: как брат, сын, друг, уже ушедший в мир иной. Но Тень рассказывал им про меня и говорил, как найти.

Ненавижу его!

Он посылал всех, кроме одного. Смогу ли я произнести его имя?

Я попробую.

Если вы думаете, что десятилетняя девочка не может любить, сильно, глубоко, нестерпимо, то вы сильно ошибаетесь. Я любила Тори всегда, сына наших соседей. Мы росли вместе, иногда мне казалось, что я уже не знала, где заканчивалась я и начинался он. Мы думали одинаково, мы смеялись над одними вещами. Вместе разбивали коленки, когда лазали на яблони, чтобы потом сидя на ветках, словно воробьи

спорить о том, кто больше сможет съесть кислых яблок, а потом одинаково мучались с животами. Наверно, не было ни дня, чтобы бы мы не провели вместе.

Вся деревня привыкла к этому и соседи только посмеивались, говоря, как же нам повезло родиться в соседних домах и не искать потом полжизни друг друга. Я была с ними полностью согласна.

Самая моя большая удача в жизни.

Мои способности тогда начинали появляться, но вместе с Тори мне не было страшно. Он всегда радостно ждал, возникнет ли на мне какой-нибудь новый рисунок и это он всегда говорил, что я отлично рисую и вдохновлял меня носить с собой блокнотик, чтобы делать в нем зарисовки облаков, цветов, птиц и деревьев.

А затем...

«Нет! Нет, не хочу!»

Простите меня, я сейчас соберусь.

Затем родители подарили мне красивую коробку с цветными карандашами, для того чтобы я и «дальше развивала свой талант».

Да, горько теперь звучит.

Мы с Тори побежали на наш любимый холм, где давно лежало два поваленных дерева, как будто созданных для наших посиделок. Тори плюхнулся на одно дерево и убирая

вечно мешающие каштановые вихры, сказал:

– Ну, давай! Рисуй мой портрет!

И улыбнулся во весь рот, как лягушонок, веснушки расплылись по его щекам и носу. Обожаю, когда он так улыбается.

– Не знаю... – протянула я тогда. – А может, я не хочу иметь твой портрет.

«Ну и вредная же я иногда бывала».

– Ха-ха! – засмеялся Тори, хлопая ладонями по коленкам. – Мне подаришь!

– Ладно. Только не дергайся, понял! – хмуро и немного по-царски провозгласила девчонка.

– Ага!

Я открыла альбом и начала рисовать. Мне почти не надо было смотреть, так хорошо я знала его черты, его ухмылки, темные брови, ямочку на одной щеке. Последние штрихи я уже наносила, не глядя на Тори.

– Почти готово! Еще чуть-чуть, – я добавила блики в глаза и довольно выдохнула. – Все! Смотри, Тори.

И подняв альбом, развернула его к мальчику.

На дереве напротив никого не было. Только я, холм и ветер.

—Тори! – позвала я. – Вылезай! А то не подарю, слышишь?

– Тори, не смешно! – продолжала я кричать, обегая все вокруг.

Но здесь негде было прятаться. Негде...

Я не буду описывать вам то, что было дальше, как я спустилась с плачем в деревню, как не могла ответить его родителям, где же их дорогой мальчик. Тори искали неделю всей деревней. Было решено, что он убежал с холма и утонул в быстрой речке внизу. Но я знала, что он бы не успел этого сделать.

Тори. Мой Тори. Моя первая жертва, которая не просила о смерти.

Когда ко мне начал возвращаться разум, я заглянула в альбом. Он был пуст. Я выдернула тот лист и все вглядывалась, вглядывалась в него. Тогда у меня появились первые подозрения.

Я стала всех сторониться, да и на меня теперь смотрели косо. Все считали, я точно что-то знаю, но не желаю рассказывать. Я больше не притрагивалась к карандашам и больше не улыбалась.

Через два года я одна возвращалась со школы по дороге вдоль леса. За моей спиной слышались странные шаги, точнее это был шаг и стук. Я оглянулась.

Там, тяжело опираясь на палку, ковылял глубокий старик.

Одна нога у него то ли была поджата, то ли подвязана. Я хотела было отвернуться, но, вдруг, он позвал меня по имени хриплым голосом:

– Йованка! Это ведь ты – Йованка? – старик откашлялся. – Пожалуйста, нарисуй меня!

– Что? – я испуганно прижала портфель к груди. – Вы ошибаетесь!

И быстрым шагом пошла вперед. Но он тоже не останавливался.

– Стой, пожалуйста. Человек-Тень, сказал, что ты поможешь, прошу, девочка!

Хотелось заткнуть уши и больше ничего не слышать. Я не выдержала и побежала. Старик попытался следовать за мной, но вскоре упал прямо на дорогу. Его палка откатилась, по сморщенному от времени лицу побежали слезы.

– Пожалуйста, помоги мне! Умоляю тебя!

Я остановилась и повернулась, по моим щекам тоже уже бежали мокрые дорожки.

– Я не могу вам помочь! Что вы от меня хотите?

Старик пытался ползти ко мне, хватаясь руками за землю и волоча непослушную ногу. Это было слишком, я вернулась и тут мне в нос ударила страшная вонь от гниющей плоти. Его вторая нога была перевязана тряпками до колена, сквозь которые сочился гной.

Гангрена.

Задохнувшись, я закрыла лицо рукой:

– Почему, почему вы просите меня об этом? – спросила я с отчаянием.

– Я не жилец, – прошептал старик. – Но смерть никак за мной не приходит. Умоляю, Тень сказал, что если ты меня нарисуешь, то все закончится.

Я сжимала портфель побелевшими пальцами:

– Но... у меня и карандашей нет.

– Вот, вот! – старик полез в свою сумку. – Я все взял. Он мне сказал. Прошу тебя, девочка!

Дрожащей рукой я взяла альбом и карандаши и присев на карточки рядом, взглянула на белый лист. Все расплывалось. Я не могла унять слез, но начала рисовать.

Получалось очень похоже.

Пустынная дорога, синее небо, пение птиц, двенадцатилетняя девочка в школьной форме, вытирающая ладонью глаза и чиркающая в альбоме и человек напротив нее.

Когда я закончила, старик сказал:

– Теперь, подуй.

Я повиновалась, и портрет стал таять на моих глазах. До меня долетело лишь одно слово, сказанное тепло и смиренно:

– Спасибо.

И я снова осталась одна.

После этого случая, подобных гостей становилось все больше и в 15 лет я сбежала. Дальше вы знаете.

Я не хотела вас расстраивать. Но если уж говорить, то надо описывать картину целиком, да?

В Портовом городе меня тоже находили, но я стала спокойнее, что ли. Здесь у меня были и Хосс, и дядюшка, и моряки и все остальные. Много друзей.

Поэтому этой ночью я уже без печали убрала новый побелевший лист в папку и спустилась вниз в кафе, чтобы сделать себе чай с молоком и посидеть немного в тишине за столиком.

В дверь постучали.

«Нет, неужели снова?»

Я крикнула:

– Открыто!

И в кафе зашел высокий человек в темном плаще и капюшоне. Повеяло сыростью.

– Здравствуй, Йованка, – сказал мужской голос.

Звякнула чашка, резко поставленная на блюде.

– Ты... ты – Тень, да? – спросила я сбивчиво, уже зная ответ.

– Ага! – вдруг звонко ответил он, стягивая капюшон и садясь напротив меня за столик.

Молодой мужчина, примерно моих лет. Сидит, улыбается, легко и дружелюбно, словно старый друг. Его тело казалось немного не четким.

Что вообще происходит?

– Кто ты?

Он засмеялся, услышав мой вопрос, чем заставил меня отшатнуться на спинку стула:

– Йованка, не узнаешь, что ли?

Я присмотрелась к вихрастым каштановым волосам, к его улыбке во все лицо...

– Нет! – мой голос сорвался. – Нет! Ты же умер! Я убила тебя!

Продолжая радостно улыбаться, Тори облокотился об стол.

– Что было, то было, – хмыкнул он. – Как же я рад, наконец, говорить с тобой, видеть тебя. Если бы ты знала!

Мысли бешено скакали в голове. Столько лет... столько боли...

– Ты... – я не могла подобрать слова. – Ты... так мстил мне?

Тори искренне удивился:

– Что ты! Именно потому, что я люблю тебя, я остался, чтобы помогать тебе, хотя бы издалека. Стать твоей тенью.

«Какая ерунда!»

Не выдержав, я вскочила со стула и закричала:

– Ты превратил мою жизнь в ад!!! Ты сделал меня руками смерти!

– Йованка, – мужчина протянул ко мне раскрытые ладони, с нежностью в голосе. – Все наоборот, ты была спасением. Пойми это, любимая.

Но, видя только ужас на моем лице, он вздохнул:

– Я был послан к тебе совсем не смертью.

Я закрыла лицо руками. Сердце стучало так сильно. Все кружилось вокруг: стены, мысли, прошлое, настоящее, общие воспоминания нашего с ним детства, слова, зеленый холм, цветные карандаши, упавшие в траву. Где во всем этом правда?

– Семнадцать лет, я винила себя семнадцать лет... – прошептала я.

Тори заговорил мягко, грустно:

– Прости, я видел, но не мог подойти. Прости.

– А сейчас, почему? – отняла я ладони от лица, чтобы посмотреть на дорогие до боли черты.

«Вот каким бы ты стал, если бы вырос. Я думала, что буду рядом с тобой каждый день».

Мужчина ярко и весело улыбнулся:

– На самом деле, у меня к тебе просьба. Нарисуй меня!

До этого момента, я не представляла, что меня можно поразить сильнее. Сделать еще больнее.

– Ты не смеешь просить меня об этом! Только не снова, – выдохнула я, опираясь об стол.

Тори положил передо мной альбом и коробку с карандашами:

– Пожалуйста, – мягко посмотрел он на меня. – Время пришло. Мое время пришло. Теперь для тебя все изменится, поверь мне.

Повисла тишина.

Я, он, стол между нами, белый лист бумаги. Сумеречное освещение от уличных фонарей. Далекие возгласы загулявших прохожих.

Он ждал.

Удержав набежавшие слезы, я присела обратно. Звякнули бубенцы в волосах.

«Неужели, все не могло сложиться иначе...»

Его взгляд был и нежный и ободряющий. Я развернула к себе альбом, чтобы начать рисовать. Разметить, построить, легкие контуры, обозначить каркас, найти особенности модели, все как всегда.

– Если... ты исчезнешь, – немного спустя спросила я, про-рисовывая волосы. – Что тогда делать мне?

– Ты теперь должна стать счастливой, – спокойно мне ответили.

Я вздрогнула и карандаш упал на пол. Губы предательски задрожали.

– Не смогу без тебя, – выдавила я, побледнев.

Тори нагнулся и, подняв карандаш, положил его на стол. Его руки мерцали и немного просвечивали.

– Любимая, тебе помогут, – улыбнулся он. – Тебе уже по-

могают.

Я вспомнила всех, кто окружал меня в последние два года и в конце – Тимо.

– Да, он хороший, – подтвердил мою невысказанную мысль мужчина.

У них даже имена похожи. И волосы вихрастые. Может поэтому, я его так избегала?

На бумаге все живее проступали черты и вскоре, я в последний раз посмотрела на Тори, с его яркой, огромной, глупой улыбкой и тихо сказала:

– Прощай...

Но он, все так же улыбаясь, поправил:

– До следующих встреч, Йованка. Было весело!

Я закрыла глаза и подула на рисунок.

Эпилог

– Йованка, ну признай, что ты меня просто нарисовала! – рыдало привидение истеричным голосом.

«А-а-а, да сколько можно!»

– Я тебе тысячи и тысячи раз повторяла! А ну, брысь, от кастрюли!

– А нам еще грога!

– И сидра!

– А мне кусок пирога!

– А я хочу булку!

Дядюшка мягко погладил мою руку с грозowymi тучами:

– Давай, я отнесу.

– Вы мое спасение, – улыбалась я старому еноту среди нашего шума.

Дверь сильно хлопнула:

– А вот и я! У меня незабываемый анекдот!

«Ох, еще и Тимо. И что ему у себя в лавке не сидится».

– Йованка-а-а... почему ты меня не слушаешь? – висело у меня на ноге пьяное привидение и икало.

– Значит так, собрались как-то тролль, пикси и лис...

Моя жизнь.

Я улыбалась.